

Елементи історичної дійсності використовуються з метою аналізу сучасного, з проекцією на майбутнє. Історичним творам А. Малишка притаманна романтизація дійсності. Це зумовлено ідеологічною обмеженістю творчості письменника, за рамки якої він дозволяв виходити собі вкрай рідко. Та попри це, твори поета, у яких змодельоване героїчне й трагічне минуле рідної батьківщини відзначаються високою мистецькою вартістю.

Список використаної літератури

1. Андрусів С. Мости між часами (Про типологію історичної прози) / Стефанія Андрусів // Українська мова і література в школі. — 1987. — № 8. — С. 14—20.
2. Дем'янівська Л. С. Андрій Малишко : життя і творчість / Л. С. Дем'янівська. — К. : Дніпро, 1977. — 115 с.

В. С. ЛЫСАК

ГЕРОИЧЕСКОЕ И ТРАГИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ УКРАИНЫ В ТВОРЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ А. МАЛЫШКО И В. ЧАПЛЕНКО

Статья посвящена компаративному анализу художественной интерпретации героического и трагического прошлого Украины в творчестве А. Малышко и В. Чапленко. Раскрыты характерообразующие решения писателей, отмечаются аспекты соотношения между историческими фактами и художественным вымыслом.

Ключевые слова: историзм, интерпретация, образ, вымысел.

V. LYSAK

HEROIC AND TRAGIC PAST OF UKRAINE IN CREATIVE WORK BY A. MALYSHKO AND V. CHAPLENKO

The article is dedicated to comparative analysis of artistic interpretation Ukraine's heroic and tragic past in the creative work of A. Malyshko and V. Chaplenko. The author reveals the specific of imaging system of works and tries to examine the relationship of historical truth and artistic fiction.

Key words: historical method, interpretation, image, fiction.

Стаття надійшла до редколегії 30.04.2014 р.

УДК 82-3:801.7:003

Н. Ф. ЛИЩЕНКО

ОДЕССКИЙ ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ И КАРНАВАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

В работе описаны основные черты Одесского городского текста: особенности ландшафта, географического положения города, курортной темпоральности; феномен одесского говора. Автором проанализированы аспекты художественных текстов об Одессе, характерные для традиций карнаваль-ной культуры.

Ключевые слова: городской текст, темпоральность, театральный хронотоп, трикстер.

Город, как освоенное человеком географическое пространство, фактом своего существования порождает образы искусства, в том числе литературы, которые часто актуализируют его индивидуальность, «лицо» в культурной панораме региона или государства. Такие образы, взаимопроникая и ссылаясь

один на другой, формируют целую систему смыслов, «питающей средой» которой является природный ландшафт, особенности его культурного освоения и сумма эстетических рефлексий, рожденных определенной местностью. Такую систему принято называть текстом, и некоторые городские тексты сего-

дня достаточно подробно изучены: Петербургский (В. Топоров [10]), Московский, Пермский (В. Абашев [1]).

Задачей настоящей работы является описание репрезентативных особенностей Одесского городского текста и выявление в нем черт, присущих многовековой карнавальной традиции.

Одесса возникла и развивалась волевыми актами целого ряда крупных государственных деятелей, вот почему она в историческом и культурном аспекте всегда воспринималась родственной Петербургу – либо его «сестрой», Южной Пальмирой, искусственно созданным «окном» в средиземноморско-ближневосточный мир, либо его антитезой – щедрой, гостеприимной, радушной «мамой», противопоставленной строгому, подчас суровому, северному «отцу». Ю. Лотман в работе «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» [7] выделяет два типа городов и соответствующие два типа семиотических городских систем – концентрическую и эксцентрическую. Пространство Одессы формирует эксцентрическую семиотическую сферу и, по Ю. Лотману, должно порождать многочисленные семиотические конфликты, поскольку конфликтным является само появление на свет подобного города (он строится вопреки природе и часто подвергается природным катаклизмам). Однако такое утверждение по отношению к Одессе вряд ли можно признать верным. Одесса – типичный эксцентричный город: создана искусственно (как ответ Екатерины Петру), на краю суши, на границе государства. Ее семиосфера должна быть соткана из противоречий, быть катастрофогенной, полной эсхатологических мифов скорого конца и гибели, то есть дублировать черты, присущие Петербургскому тексту. Очевидно, что городской текст Одессы не столь драматичен – он полностью лишен конфликтного напряжения и черт обреченности, а напротив, несет яркое иронично-комедийное начало и исповедует почти гедонистическую радость жизни. Причин тому несколько. В объеме настоящей работы очертим основные факторы, приведшие к образованию такого «исключения из правила».

Природный ландшафт и городское строительство. Пространство Южной Пальмиры,

как и каждого приморского города, определяется контуром береговой линии, уровнем сухопутных высотных точек, из которых морская гладь становится видимой, расположением порта и прогулочных прибрежных улиц. Городской ландшафт задан морем так же, как и жизнь и род деятельности горожан, как заданы морем функции города в структуре региона и государства. Удобная черноморская гавань определила не только место рождения Одессы, но и ее стремительное развитие как южного торгового оплота Российской империи, морские пути «принесли» в город и экономическое процветание, и то этническое многообразие, которое во многом определило неповторимую индивидуальность одесского культурного феномена в национальном масштабе.

Одесса, подобно Петербургу, застраивалась по регулярному плану на удобной плоской местности, что определило правильные, ясные очертания ее городского пространства. Однако первые страницы истории Петербурга достаточно мрачны: финские болота потребовали слишком больших жертв для своего сказочного преображения. Город, построенный «на костях», еще при закладке своих проспектов и площадей вписал трагедийные черты в будущий городской текст. Петербург изначально формировался как столица, он должен быть поразить взгляд иностранца и представить восхищенному миру «лицо» новой, преображенной, проевропейской России. Гранит и мрамор, лучшие итальянские архитекторы, гордые шпили и чугунные мосты – имперская столица воплотила самые высокие стандарты мирового градостроительства. Одесса не имела таких амбиций: она органично выростала из собственного ракушечника, воплощая строгие классические принципы в фасадах новых зданий и соборов, вытесняя степную пыль тенью акаций. Приморский город не отвоевывал пространство для жизни у дикой природы – природа сама предоставила удобное место для городского строительства. Рождение города в Одесской бухте не сопровождалось борьбой с природным порядком и неравными битвами со стихией, поэтому оппозиция естественное / искусственное в городском пространстве Одессы не приобрела той остроты, которая характерна для семио-

тического поля Петербурга. Частые разливы Невы, как показывают все исследователи петербургского текста, продолжали поддерживать у жителей северной столицы подспудное ожидание несчастья. Прибрежный ландшафт Одесской бухты двухуровневый, благодаря чему городские постройки приподняты над уровнем моря на высоту около пятидесяти метров. Кроме живописных пейзажей, открывающихся с возвышенности, и впечатления колоссальности от Потемкинской лестницы, этот факт придавал городу защитный барьер в отношении штормов и наводнений. Одесса не просто избежала большой зависимости от разрушительной стихии моря, но и не выработала такого состояния удрученности и мрачного предчувствия, которое характерно для мироощущения петербуржцев.

Южная широта. Географические координаты многое определяют в облике города. Это касается особого, южного изобилия, проступающего во внешнем облике городского пространства: в буйстве южной растительности, богатстве открытых продуктовых развалов, в легко одетой публике. Эти детали облика города часто становятся объектами художественного изображения (В. Катаев «Белеет парус одинокий» [6, 71]).

Южная широта и статус курортного города предполагают особую темпоральность одесской жизни: она отличается резкой сезонностью, нетороплива и размеренна. Города северных широт мало приспособлены к уличному общению, топосами знакомств и встреч являются замкнутые помещения; в южном городе топосами общения служат улицы. Сцены межличностного общения, вынесенные из помещений наружу, на открытое пространство, приобретают черты некоторой театральности – они предполагают наличие зрителя, одобрения и поддержки публики. Топос одесского дворика служит одновременно сценой, где разыгрываются многочисленные бытовые сценки, и зрительным залом, который этим постановкам рукоплещет. Острота любых конфликтов при такой театрализации снижается, драматичность выхолащивается; южная экспансивность ведет к быстрой разрядке противоречий, ссоры и скандалы громки, но не долги – однообразие скоро утомляет уличную публику.

Выразительным примером сказанного является финальный рассказ цикла «Одесских рассказов» И. Бабеля, «Закат». Городской текст Одессы родился с публикации этого цикла (1923–1924 гг.), ставшего «градообразующим текстом» [4]. И литературная составляющая городского текста сразу придавала ему специфический сатирико-комедийный стиль, который в дальнейшем не просто прижился, но развился и упрочился как наиболее подходящий для этого городского пространства. В самой основе городского текста заложено сатирическое снижение любого трагедийного начала, дедраматизация любого конфликта, осмеяние всякого противоречия. Конфликт Криков формируется на глазах у всей Молдаванки: именно одесский двор становится ареной для кульминационного столкновения поколений, превращается в театральный хронотоп. На семейную революцию в семействе биндюжников соседи собираются как на праздничное зрелище: «...вся Молдаванка идет к Крикам в гости. Молдаванка шла толпами, как будто во дворе у Криков были перекидки. Жители шли, как идут на Ярмарочную площадь во второй день Пасхи» [2, 105–106]. Это карнавальное шествие обязано завершиться ярким театрализованным представлением – отцеубийством (развенчание авторитета вполне в духе карнавальных традиций). Южный, шумный, жаркий, открытый двор превращается в театральную сцену, где каждый участник драмы – еще и актер; каждый знает свое положение на подмостках («Бенчик стоял на левом фланге у голубятни. Левка стоял на правом фланге у дворницкой» [2, 106]); и каждый обязан удовлетворить подчас кровожадные вкусы незатейливой молдаванской публики.

Таким образом, *южность* придает одесскому тексту ряд особенных черт: море и солнце задают неторопливый, курортный, темп жизни города; улицы становятся ареной людских – бурных, но непродолжительных – страстей, изобилие, открытость и готовность к общению создают веселый, приподнятый дух отдыха, праздника, карнавала.

Одесский говор. С момента основания города, в силу его полиэтничности, на язык оказывали сильное влияние особенности французского (первая газета в городе выходила на

этом языке), греческого, итальянского, украинского языков, идиш. Это сформировало не только особый лексикон, что часто характеризует региональные особенности отдельного языка, не только целый набор специфических «одесских» идиом, не только своеобразное произношение, но и грамматические отклонения, более или менее отдаленные от языковой нормы.

Одесская лексика включает в себя как отдельные слова и выражения, характерные для черноморского региона (например, название парусной рыболовной лодки *шаландой* или ломового извозчика – *биндюжником*), так и прямые «кальки» из идиш – *бебехи* (вещи), *шлимазл* (патологический неудачник). Под влиянием идиш намного шире, чем в литературном русском, употребляется глагол *иметь*: «Таких бычков вы нигде не будете иметь!» [6, 93].

Характерно для одесского говора употребление союза *или* в самом широком семантическом значении, которое иногда задается лишь интонацией и контекстом: «Мадам Токарчук, мсье Филипп интересуется – *или* у нас есть сейчас приличных бомб?» (Лев Славин, «Интервенция»).

В Одессе используют особые приемы для усиления взаимодействия между адресантом и адресатом в коммуникативном акте. Одним из таких приемов является неумеренная жестикуляция; другим эффективным приемом является повторение близких по значению слов. Такое дублирование не воспринимается тавтологией, а лишь усиливает значение сказанного и придает всему речевому акту специфический «одесский», сатирический колорит: «*Коль раз* вы меня спрашиваете, – отвечаю я королю, – так я должен высказать свое мнение» [2, 33].

Для одесского говора характерно использование усиливающего предлога *таки*, специфическое употребление наречий *куда / туда / сюда* как *кудой / тудой / судой*, и многие другие особенности. Они стали «культурными» для обозначения «одесскости» – особого стиля общения, характерного для этого города.

Пространство Одессы и мироощущение в ней отчетливо соотносятся с традициями карнавала, его основными образами: чрезмерно-

стью в еде, пищевым гигантизмом (изобилие одесского рынка); правом шутить, не быть буквальным (знаменитое одесское остроумие); правом пародировать (одесский говор как «пародия» на нормативный язык); правом предавать публичности частную жизнь и изображать ее как спектакль.

Еще один важный мотив карнавала – выборы потешного короля, плута, трикстера, которому доставляют наслаждение всевозможные шутки и проказы. Попробуем выбрать некоторый художественный образ, который наиболее полно представил бы героя одесского текста. Такой герой не может оказаться домоседом (хронотоп плутовского романа – дорога по родному миру [3] – его жизнь проходит в путешествии, приключениях, больших или меньших трудностях и опасностях, его жизненный путь – *одиссея*. В его чертах должно неизменно присутствовать место, которое его породило – веселый, бешабашный приморский город, что проявляется в обаятельном острословии, умении завоевывать сердца мужчин и очаровывать женщин, не гнушаться «относительно честных» способов зарабатывать славу и деньги, умении выпутаться из ситуации любой сложности. Персонаж, отвечающий всем вышечисленным требованиям, существует, и это Остап Бендер. Оба романа И. Ильфа и Е. Петрова давно и прочно занимают место в литературном пласте, питающем Одесский текст. Их принадлежность – в качестве субтекстов – к этому городскому тексту не вызывает сомнений, хотя убедительных доказательств соответствия литературного Черноморска реальной Одессе может показаться недостаточно. Однако факт связи романских текстов с черноморским городом ощутим постольку, поскольку образ главного героя – великого комбинатора – это образ одессита. «Сын турецкоподданного» – все, что известно о происхождении основного персонажа из текста, а в Одессе до революции существовал целый квартал «турецких» евреев, которые, пользуясь своим заморским гражданством, совершали на юге российской империи свои сделки, часто сомнительные и рискованные [9]. Представить себе Остапа Бендера, выросшего в этом квартале, не просто легко, но и вполне логично. Однако существуют и более убедитель-

тельные свидетельства «одесскости» образа Остапа Бендера, они представлены в автобиографической повести В. Катаева «Алмазный мой венец» [5].

Итак, поскольку главный персонаж И. Ильфа и Е. Петрова – одессит, связь романских текстов с городским текстом Южной Пальмиры становится явной, а карнавальная сторона Одесского текста пополняется собственным *трикстером*. Персонаж Бендера достаточно полно реализует карнавальную функцию потешного короля: в нем инвертируются социальные роли, последний становится первым (мошенник и бродяга превращается в правую руку «отца русской демократии» или в известного гротескмейстера), шут с калейдоскопической скоростью меняет социальные «маски» – пожарного инспектора, сына лейтенанта Шмидта, странствующего художника. Одессит Остап демонстрирует хорошую приспособляемость к обстоятельствам, стойкость и жизнелюбие, хитроумие и изворотливость, способность к лицедейству, арсенал «относительно честных» способов достижения целей – те черты, которые так необходимы центральному герою карнавального действия.

Еще одним персонажем Одесского городского текста, претендующим на роль потешного короля, является бабелевский Бенья Крик. Буффонным правителем становился тот, кто находился у самого подножия социальной лестницы – налетчик и сын биндюжника вполне достоин такой роли; и вот уже в тексте он назван *королем*. Амбивалентность – основное свойство карнавальных персонажей по Бахтину [8], поскольку в них совмещаются социальные бинарные оппозиции, *последний и первый*. Благородство, житейская мудрость и рассудительность Бени Крика снискали ему не только уважение окружающих, но даже – титул *короля*. Так философствующий налетчик становится *королем* карнавального действия и символом Одесского текста.

Инверсия, не только общественных позиций, но и как художественный прием, лежит в основе комедийного начала литературных текстов, «питающих» Одесский городской текст. Многие категории, традиционно воспринимаемые в художественном оформлении как возвышенные, подвергаются в субтекстах

города и сатирическому снижению, и даже осмеянию. Таковыми являются «бабелевские» пейзажи: «Звезды рассыпались перед окном, как солдаты, когда они оправляются, зеленые звезды по синему полю» [2, 108]; «Солнце дошло до середины и задрожало, как муха, обессиленная зноем» [2, 56].

И напротив, вполне обыденные предметы патетически превозносятся, представляются как объекты поклонения и культа – таков гимн одесскому двору Менделя Крика: «Вот вокруг меня этот двор, в котором я отбыл половину человеческой жизни. Он видел меня, этот двор, отцом моих детей, мужем моей жены хозяйном над моими конями. Он видел мою славу и двадцать моих жеребцов и двенадцать площадок, окованных железом. Он видел ноги мои, непоколебимые, как столбы, и руки мои, злые руки мои...» [2, 110]. Налицо ветхозаветная образность, привычная древневосточная метафоричность (сравним: «А ноги как мрамор столба» из Песни Песней Соломона), использованная в отношении пространственного локуса, места проживания, молдавского двора. В устах Менделя Крика, прозванного Погромом, такая речь звучит оксюморонно, гротеском, очередным сатирическим приемом. А сопоставление образа двора как домашнего алтаря и осмеянных образов стандартного поклонения и восхищения (солнце и звезды) рождает выразительную художественную инверсию, которая подчеркивает ироничную, комедийную технику создания матрицы одесского текста. Эта матрица задавала вектор дальнейшему развитию литературной составляющей городского текста, в котором укоренились и другие, новаторские и испытанные временем, сатирические каноны.

В завершении необходимо выделить основную идею, объединяющую городской текст Одессы в единое смысловое поле. Такая идея является эмблемой города в общем литературном контексте и легко «прочитывается» носителем национального культурного сознания. Одесса – солнечный, приморский, приветливый город с особенной, не узконациональной, а космополитической ментальностью. Как будто вольный, наделенный особыми привилегиями, город, Одесса живет вне общих государственных правил, оставаясь ярким оазисом в самой мрачной

действительности, никогда не прекращая смеяться. Во многом симметричная Петербургу – распланированная, расчерченная, южная столица – Одесса вписала противоположный «по знаку» пласт текстов в общенациональный литературный фонд. Она противопоставила трагедийному началу петербургского текста свою формулу мировосприятия – без онтологического отягощения, без поиска рецептов духовного спасения и очищения, эпикурейски легкую, веселую, простую, как солнечный свет. Одесский городской текст наделен особой миссией в национальной культуре: он формирует противоположный полюс по отношению к петербургскому тексту, «уравновешивает» его драматическую тональность, формирует ему комедийную антитезу, проповедует бесхитростную, открытую любовь к жизни, а не поиски ее смысла.

Список использованной литературы

1. Абашев В. В. Пермь как текст: Пермский текст в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. — Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. — 404 с.

Н. Ф. ЛИЩЕНКО

ОДЕСЬКИЙ МІСЬКИЙ ТЕКСТ І КАРНАВАЛЬНА ТРАДИЦІЯ

У роботі окреслені основні риси Одеського міського тексту: особливості ландшафту, географічного положення міста, курортної темпоральності, феномен одеського говору. Автором проаналізовано ті аспекти художніх текстів про Одесу, що характерні для традицій карнавальної культури.

Ключові слова: міський текст, темпоральність, театральний хронотоп, трікстер.

N. LISHCHENKO

ODESSA URBAN TEXT AND A CARNIVAL TRADITION

This investigation describes the main features of the Urban Odessa text as landscape features, the geographical location of the city, the resort temporality and a phenomenon of the Odessa dialect. The author analyzes the aspects of literary texts about Odessa, which are the characteristic of carnival culture traditions.

Key words: urban text, theatrical chronotope, temporality, trickster.

Стаття надійшла до редколегії 2.03.2014 р.

УДК 82.02

Н. В. МАЙБОРОДА

ШАХТАРСЬКІ МОТИВИ «МАЛОЇ ПРОЗИ» СПИРИДОНА ЧЕРКАСЕНКА

У статті аналізується художня розповідь Спиридона Черкасенка «У шахтарів. Як живуть і працюють на шахтах». Визначено основну проблематику «шахтарської» прози автора, розкрито соціальні мотиви його «малої прози». Зроблено акцент на ролі шахтарської лексики в аналізованому творі.

Ключові слова: художня розповідь, оповідання, мала проза, соціальні мотиви, засоби образотворення.

Ім'я Спиридона Черкасенка повертається до українського читача лише в останні десятиліття, адже за радянських часів його ім'я загалом оминалося увагою через офіційну

2. Бабель И. Избранное / И. Бабель. — Кыргызстан : Адабият, 1990. — 672 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин. — М. : Русские словари; Языки славянских культур, 2010. — Т. 4 (2). — 2010. — 752 с.
4. Быков Д. Об Одессе без крика [Электронный ресурс] / Д. Быков. — Режим доступа : <http://yat.in.ua/topic/5/567>.
5. Катаев В. Алмазный мой венец / В. Катаев. — М. : ДЭМ, 1990. — 272 с.
6. Катаев В. П. Белеет парус одинокий. Хуторок в степи / В. Катаев. — М. : Сов. писатель, 1987. — С. 14—258.
7. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. — Тарту, 1984. — Вып. XVIII. — С. 30—45.
8. Смирнов В. Одесский язык / В. Смирнов. — Одесса : Полиграф, 2008. — 95 с.
9. Смольянинов К. М. История Одессы. Исторический очерк / К. М. Смольянинов. — Одесса : Optimum, 2007. — 150 с.
10. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. — М. : Издательская группа «Прогресс»—«Культура», 1995. — С. 259—367.

заборону. «Провина» письменника полягала в тому, що він не сприйняв наслідків жовтневої революції 1917 року та емігрував, оселившись у Чехії.